

УДК 316.334.52

Регион: экономика и социология, 2019, № 3 (103), с. 164–194

Н.Д. Вавилина

СОЛИДАРИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

В статье обосновывается методология исследования процессов солидаризации. Доказывается, что объект исследования должен включать четыре элемента: идентификацию, солидаризацию, консолидацию и интеграцию. Каждый из названных элементов одновременно выступает как явление, которое можно зафиксировать, и как процесс. Являясь процессом, каждый из элементов развивается самостоятельно и может быть основой для другого процесса, но может и не «вырастать» в другое состояние. Вводятся понятия «позитивная солидаризация» и «неконструктивная солидаризация» и предлагается формула для расчета соответствующих индексов.

На основе результатов семи эмпирических исследований проверяется продуктивность предложенной методологии, что позволяет увидеть состояние и развитие ряда региональных сообществ. Эмпирическими объектами в исследованиях выступали жители Новосибирска и Красноярска, и это дало дополнительную возможность сравнить процессы солидаризации в двух сопоставимых и часто конкурирующих сообществах и сформулировать предположения относительно вероятных изменений в них в ближайшем будущем.

Ключевые слова: идентификация; солидаризация; консолидация; индекс солидаризации; социальные субъекты

Для цитирования: *Вавилина Н.Д.* Солидаризация как социальное явление и социальный процесс: региональный контекст // *Регион: экономика и социология.* – 2019. – № 3 (103). – С. 164–194. DOI: 10.15372/REG20190307.

Говорить о солидаризации в обществе, объятom целой совокупностью конфликтов разного уровня, можно, лишь становясь на позиции того или иного социального субъекта. И это уже будет означать поиск классовой солидарности, т.е. единства убеждений и действий на основе осознания общности интересов и целей. Но реальные факты солидарных действий последнего времени показывают крайне противоречивую картину этого процесса. С одной стороны – почти все-народное избрание Президента России 18 марта 2018 г.¹, с другой – буквально через считанные дни глубокое негодование по поводу «лживой власти», которое охватывает почти мгновенно российское общество в связи с событиями в кемеровской «Зимней вишне». Но вот проект пенсионной реформы, которая, по сути, касается всего населения страны, каждого ее гражданина, вызывает протестные действия лишь отдельных групп: уже пенсионеров или тех, кто стоит на пороге этого положения.

Как объяснить формирование такого состояния? Как идентифицировать процесс солидаризации?

СОЛИДАРНОСТЬ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

У истоков представления о солидарности стояли еще основатели социологии. Уже Э. Дюркгейм говорил о механической аскриптивной солидарности и органической солидарности. Классик понимал разделение труда как источник солидарности. А при нарушениях процесса разделения труда, по его мнению, исчезает социальная солидарность и возникает аномия общества. Другой классик социологии, О. Конт, также стоял на позиции, что солидарность создается постоянным распределением труда. Закономерно, что создатели марксизма, К. Маркс и Ф. Энгельс, основой солидарности полагали классовые интересы, которые были объективно обусловлены местом классов

¹ Сетования в этом случае по поводу «административного ресурса», «давления», «фальсификации результатов» не имеют значения. Это лишь говорит о том, что общество готово такие методы принять, точнее, не готово им противостоять.

в общественной организации труда. Таким образом, и у них формирование солидарности – объективно обусловленный процесс.

В социальной теории XX в. категория «социальная солидарность» становится рядоположенной с такими понятиями, как «социальная интеграция» и «социальная консолидация», что приводит, с одной стороны, к формированию некоторых новых направлений исследований, но с другой – к ограниченному пониманию сущности процесса солидаризации индивидов, групп, сообществ и других социальных субъектов. Так, у Т. Парсонса интеграция – лишь одна из функциональных проблем, возникающих внутри социальной системы наряду с другими проблемами: адаптации, целедостижения, воспроизводства структуры и снятия напряжений. При этом функцию интеграции должны обеспечивать правовая система и обычаи.

Сегодня проблемы социальной солидарности освещаются еще более активно. К исследованию этого феномена обращались Дж. Александер, Р. Патнэм, А. Этциони, Э. Гидденс, К. Карсон, Э. Тирьякян, П. Хёрст, К. Сирьяни и другие теоретики современного обществоведения.

Автору настоящей статьи принципиально близка позиция американского социолога С.П. Олинера: «Сегодня идеи альтруизма, заботы, сочувствия, социальной ответственности и любви получают наконец должное внимание в социальной науке. Это проявляется, например, в форме публичной социологии, т.е., такой, которая помогает смягчить социальные проблемы, а не умножает количество статей, обреченных пылиться на полках. В мире, все еще полном болезней, насилия, бедности и ненависти, есть отчаянная потребность в социологии и других социальных науках, которые проводили бы исследования, имеющие практическую значимость для создания общества, больше заботящегося о своих членах» [9, р. 5]. Однако именно в публичной социологии определение понятия является важным не только в контексте борьбы «за чистоту категориальной крови», но и для эффективного «практического оперирования».

Российские социологи также включены в эти поиски. Однако исследователи заняты преимущественно поиском присутствия/отсутствия оснований для формирования солидарности в российском об-

ществе. Часть из них – А.С. Ахиезер [1, с. 24–34], Л.Б. Гудков [2, с. 46–57] и др. – считают, что в России нет оснований, в первую очередь исторических, для консенсуса и солидарности. Другая часть – Н.Е. Тихонова [7, с. 9–14], В.И. Пантин, В.В. Лапкин [5, с. 78–87], А.П. Заостровцев [3, с. 125–132] – утверждают, что имеют место «общественный договор» между властью и обществом, как правило по инициативе власти, и «взаимное ненасилие».

Отдельно в этом ряду стоит рассмотреть позицию О.А. Кармадонова. Автор анализирует соответствие социальной интеграции и социального воспроизводства общества: «Несмотря на очевидную взаимосвязь, данные концепты (интеграция и воспроизводство) ведут парадоксальным образом относительно автономное существование в социальной науке, что отражает известный феномен “футлярности” социального анализа, при которой проявляется тенденция к отсоединению объекта исследования от социального и причинно-следственного контекстов, гипостазирование его собственного содержания, рассмотрение его “как такового”, без должного внимания к другим социальным объектам, непосредственно на него воздействующим» [4, с. 6]. Поддерживая в основном эту позицию, хочется усилить ее в оценке понимания проблемы. Дело не в том, что «объект отсоединен от контекста», – дело в том, что видение объекта носит столь схематичный характер, что не позволяет определить закономерности и тенденции его функционирования и развития.

Уходя от «футлярности», О.А. Кармадонов социальное воспроизводство относит к процессам «создания, передачи и воссоздания» общества: «Это, прежде всего, сам человек, сообщества, в которые он включен, системы общественного устройства, которые он каждый день структурирует, символы, нормы и ценности, которые он разделяет с другими членами общества. Тем самым, проблема социального воспроизводства неизбежным образом связана с проблематикой социальной интеграции, консолидации, солидарности. Более того, сами эти сообщества (от семьи и социально-профессиональной группы до территориальных и этнокультурных сообществ), системы общественного устройства (политическая, экономическая, правовая и пр.) и символические системы (комплекс символических диспозиций

и конденсаторов, морально-нравственный свод, идеология и дискурс повседневности) в норме должны быть интегрированы как во внутреннем измерении – через консолидацию собственных элементов, так и во внешнем – через консолидацию с другими сферами» [4, с. 7].

Очевидно, стоит согласиться с О.А. Кармадоновым в том, что связь социального воспроизводства и процессов солидарности неизбежна. Но как это проявляется? Попытка выделить «два источника» и «два вектора» социальной солидарности, предпринимаемая в этом случае, фактически возвращает О.А. Кармадонова к поискам всех предыдущих лет и большинства исследователей. Он указывает на два источника этого процесса: «со стороны правящей группы, озабоченной прежде всего, солидарностью общего социального порядка, и со стороны так называемых примордиальных групп – тех социальных сообществ первичного уровня, в которых, собственно, и происходят солидаризация и жизнь индивидов» [4, с. 7]. Наличие «двух источников» и «двух векторов», по мнению этого автора, связано с тем, что «солидарность включает два базовых начала – насилие и символический комплекс». Таким образом, солидарность у этого исследователя имеет «два базовых начала», «два источника» и «два вектора», что для социологического анализа вряд ли представляется продуктивным.

Не случайно далее у О.А. Кармадонова возникает не научная, а нравственная коллизия: «Вопрос о том, какого уровня солидарность имеет большее значение, является далеко не праздным. ... Очевидно, что важны оба источника. Однако если мы поставим вопрос о принципиальных возможностях их существования относительно друг друга, мы поймем, что “вес” их все-таки не равнозначен. Может ли существовать макросоциальная солидарность без солидарности на микроуровне? Ответ, очевидно, должен быть дан отрицательный. Ни в социуме, ни в живой природе нет примеров того, чтобы целое могло существовать без согласия составляющих его частей. Может ли существовать микросоциальная солидарность без солидарности на макроуровне? На мой взгляд, ответ в этом случае должен быть положительным. История предоставляет сколько угодно примеров, когда повседневные практики и связи людей не только не ослабевали в условиях отсутствия солидарности на макроуровне, но и крепили» [4, с. 7].

О.А. Кармадонов говорит о том, что такие случаи имели место в условиях власти «одиозных диктатур», но «данная ситуация в той или иной степени характерна и для современных развитых обществ, в которых сфера принятия политических решений и сфера повседневной “рутинной” активности все в большей степени дифференцируется и проблема участия в демократических процедурах, и в целом – в общественной жизни становится все более острой» [4, с. 8]. Разрешить это противоречие в контексте «непротиворечивости» исследователю не удастся: «В любом случае, мы можем говорить о “непротиворечивости” социальной солидарности в том или ином обществе только тогда, когда в нем представлены оба начала консолидации в своей процессной реализации: микросоциальная солидарность, воплощенная в практиках повседневных интеракций в первичных социальных группах, и макросоциальная солидарность, реализуемая через текущие усилия власти по интериоризации символического комплекса, что предполагает и известную степень насилия прямого или “символического” (Бурдьё) характера» [4, с. 8].

Очевидно, несмотря на поиск двух начал и двух источников солидарности, развитие этого состояния у О.А. Кармадонова ведет к противостоянию субъектов, включенных в него. Однако чтобы снять возможности такого исхода, он вводит эти самые «векторы»: «вертикальный (макросоциальный), в котором консолидационный процесс или поток устремляется от власти к обществу и обратно; и горизонтальный (микросоциальный), в котором поток консолидации совершает кругооборот внутри сообществ и между сообществами, из которых формируется общество в целом» [4, с. 8]. А чтобы эти «два мира» хоть как-то соединились или хотя бы соотносились, автор вводит еще одно понятие – «социальная конъюнкция». Он указывает: «...Практически нет термина, который мог бы описать содержательные характеристики процессов консолидации/интеграции, ведущих к состоянию солидарности/партнерства, отличающемуся, в том числе, признаками единства/согласия. Отсутствует и термин, определяющий главный механизм, запускающий в действие такого рода процессы. На мой взгляд, эвристически обещающим в этом смысле является понятие “конъюнкции” (от лат. *conjunctio* – союз, связь, соединение).

Подобно тому как “символ” выступает родовой категорией по отношению к видовым категориям “знака”, “метки”, “метафоры”, “индекса” и пр., не сводимым друг к другу, но объединяемым в “символе”, категория “конъюнкция” охватывает все виды социальных явлений, относящихся к процессам и состоянию соединения чего-либо/кого-либо, с чем-либо/кем-либо» [4, с. 10]. Конечно, «соединение чего-либо/кого-либо» имеет место в социальном взаимодействии, но оно вполне может быть как солидарным, так и не солидарным, компромиссным или иным. К примеру, при тех же «одиозных диктаторах» для защиты от внешних врагов.

Таким образом, необходимо признать, что даже введение нового понятия – «социальная конъюнкция» не позволяет исследователю объяснить ни природу, ни характер такого явления и процесса, как солидарность.

СОЛИДАРНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ И ПРОЦЕСС

Представляется, что главной методологической ошибкой описанного выше подхода является понимание в качестве одного трех явлений: солидарности, интеграции и консолидации. Однако реальные факты часто свидетельствуют и о другом. И более продуктивным будет представление о каждом из этих феноменов как о самостоятельном социальном явлении и социальном процессе.

В основе *солидарности*, как известно, лежат активное сочувствие и поддержка чьих-либо мнений или действий. Это является процессом *солидаризации*, т.е. формирования единства убеждений и действий и совместной ответственности. Однако не всегда результатом этого процесса будет *интеграция*, т.е., объединение социальных субъектов (индивидов, групп, классов) в целостную систему. Для этого необходимо прохождение, «переживание» другого процесса – *консолидации*, в рамках которого происходит сплочение различных социальных субъектов. Остается открытым вопрос об источниках процесса солидаризации. Представляется, что его основой является процесс *идентификации*, в рамках которого происходит отождест-

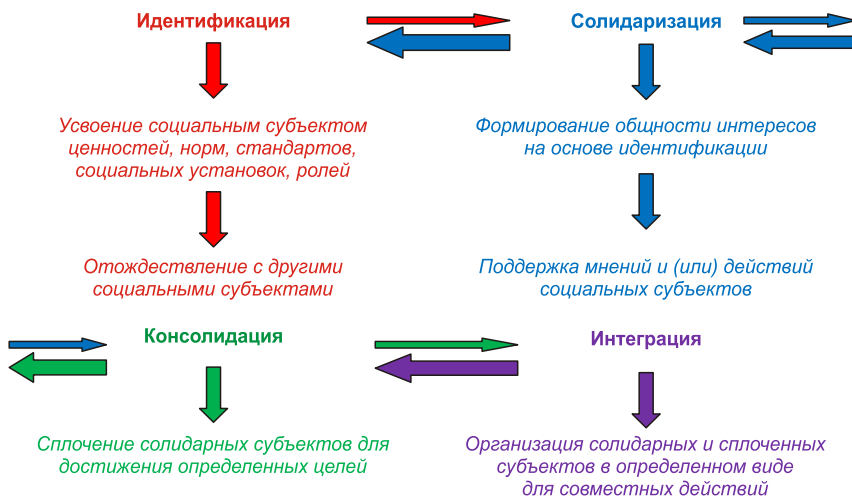

Рис. 1. Структура теоретического объекта исследования

вление социального субъекта в ходе усвоения им определенных ценностей, норм, стандартов, социальных установок и ролей.

Таким образом, теоретический объект исследования должен включать фактически четыре элемента: идентификацию, солидаризацию, консолидацию и интеграцию (рис. 1). При изучении каждого из них целесообразно исходить из следующих представлений.

Первое. Каждый, из названных элементов, одновременно выступает как явление, которое можно зафиксировать, и как процесс, в рамках которого происходит последовательная смена явлений, состояний и изменений.

Второе. Каждый из элементов, являясь процессом, развивается самостоятельно и может быть основой для другого процесса, но может и не «вырастать» в другое состояние. Формирование идентичности, к примеру, еще не ведет к солидаризации социальных субъектов.

Третье. Являясь процессом, каждый из элементов не только переживает последовательную смену состояний, но и обретает определенную степень их зрелости. Именно этим объясняются возможность и невозможность перехода от одного процесса к другому на том или ином этапе развития.

Четвертое. Каждый из описанных процессов может быть следствием и результатом предыдущего, но, в свою очередь, будет влиять на его зрелость и интенсивность.

Пятое. В совокупности эти четыре элемента являются также процессом, в котором происходит смена состояний и формируются изменения социальных субъектов, что определяет характер развития как отдельных субъектов, так и общества в целом.

Какую роль в этом процессе и в каждом из четырех его элементов играет государство? Государство, как известно, выступает формой политической организации общества и в этом смысле является социальным институтом, а не социальным субъектом. Однако в качестве социального института оно обладает определенными признаками. Это наличие особого аппарата, осуществляющего функции власти, право, закрепляющее определенную систему норм, населенная территория, на которую распространяются эти нормы, и др. И в данном контексте социальным субъектом выступает аппарат, реализующий функции государства как социального института. И именно он является участником всех названных выше процессов.

При таком подходе противоречие, отмеченное нами в позициях О.А. Кармадонова, говорящего о «двух источниках и двух векторах социальной солидарности», легко снимается. Такие социальные субъекты, как индивиды, социальные группы, социальные сообщества, могут иметь интересы, отличные от интересов государственного аппарата, а вслед за этим солидаризироваться для достижения иных целей. Такое понимание вполне позволяет объяснить происходившие фактически одновременно два процесса: уже упомянутое всенародное избрание Президента РФ и всенародное же негодование по поводу «лживой власти». Но для исследователей это ставит закономерный вопрос о характере процесса солидаризации. Об этом говорит, к примеру, В. Вахштайн: «Солидаризация – это тенденция последних пяти лет. Она незаметна, если смотреть сверху и рассуждать об обществе в целом, но когда вы смотрите, например, как изменилась стратегия трудоустройства, стратегия поведения в кризисе, поиска дополнительного заработка, стратегия отстаивания интересов на локальном уровне, например граждан против застройщиков, это довольно замет-

ная тенденция»². Говоря о характере процесса солидаризации, В. Вахштайн отмечает, что она формируется в условиях падения доверия к формальным институтам: «Солидаризация людей приводит к падению доверия к формальным институтам»³. Более того, считает он, «из такой солидарности вырастает в равной степени и гражданское общество, вспомним американский сценарий, и мюнхенские пивные»⁴.

В методологию проводимых нами исследований были заложены все представленные выше подходы.

ОРГАНИЗАЦИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фундаментальным процессом социального развития является социальная идентификация личности. Как указывал В.А. Ядов, «социальная идентичность есть осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям – таким, как малая группа, класс, семья, территориальная общность, этнонациональная группа, народ, общественное движение, государство, человечество в целом» [8, с. 159]. Описывая иерархию социально-групповых идентификаций, исследователь выделяет первичные и вторичные группы и общности, или группы повседневных практик и воображаемые и конструируемые [8, с. 167]. К группам повседневных практик он относит «семью, друзей, людей того же поколения, товарищей по работе, людей той же профессии». К воображаемым и конструируемым – те «общности и группы, которые представлены в сознании индивидов исходя не столько из собственного опыта, сколько из интерпретаций, предлагаемых СМИ, или из общения с людьми, то есть опосредованные массовой и межгрупповой коммуникацией. Это – люди той же национальности, того же достатка, те, кто имеет общие взгляды и ориентации, люди таких же жизненных стратегий и интересов; общность “советский народ”, граждане России, граждане СНГ, все человечество» [8, с. 167].

² URL: <https://meduza.io/feature/2018/03/27/segodnya-prezident-ne-politicheskiy-a-sakralnyu-institut> .

³ Там же.

⁴ Там же.

В наших исследованиях в полуформализованных интервью была заложена ядовская формулировка вопроса: «Как часто вы ощущаете близость с разными группами людей, с теми, о ком вы могли бы сказать: “Это – мы”?»). А шкала для ответов включала варианты: «часто», «иногда», «никогда не чувствую близости» [8, с. 181]. Из групп повседневных практик в варианты ответов были включены только две позиции: «люди моего поколения, возраста» и «люди той же профессии, того же рода занятий». В то же время были широко представлены конструируемые идентичности: «со всеми гражданами России», «с жителями области, где я живу», «с теми, кто живет в том же городе, что и я», «с людьми моей национальности», «с людьми такого же достатка», «с людьми, близкими мне по политическим взглядам», «с людьми моей веры».

Такое смещение в пользу вторичных групп было связано с задачами изучения именно процессов солидаризации. Очевидна предрасположенность индивидов к отождествлению себя с первичными сообществами – с семьей, друзьями, коллегами и т.д. И совсем не очевидны ощущения связи с жителями области или города, в котором живет индивид. Для этого необходимы некоторые специальные условия, состояния, действия, формирующие определенную общность интересов. И таким образом происходит процесс солидаризации группы и сообщества.

Для определения характера этого процесса целесообразно⁵ ввести понятия «позитивная солидаризация» и «неконструктивная солидаризация» и рассчитывать интегральный показатель – индекс солидаризации⁶ (Ис), который будет определяться нами как соотношение

$$\frac{\text{количество ответов на вопрос}}{\text{количество опрошенных}} .$$

Инструментарий исследования позволяет выделить два типа солидаризации. Первый тип, Ис1, характеризуется формированием пози-

⁵ Нами специально избраны нейтральные обозначения, чтобы снять возможные идеологические трактовки. В этом случае имеет значение лишь характер взаимодействия: положительный или отрицательный.

⁶ Подход и формула расчета разработаны и впервые апробированы в исследованиях в 2017 г.

тивной солидаризации и операционализируется через показатель «часто»: «Мы часто находим общий язык, духовную близость с людьми...». Второй тип, Ис2, характеризуется формированием неконструктивной солидаризации и операционализируется через показатель «практически никогда»: «Мы практически никогда не находим общий язык, духовную близость с людьми...».

Очевидно, именно позитивная солидаризация является основной для консолидации, т.е. для формирования сплоченности солидарных субъектов и достижения определенных целей. Поскольку исследования имели заказной⁷ характер и были посвящены изучению межнациональных отношений, то контекст позволял изучать процессы консолидации именно в данной сфере. И это фиксировалось в вопросе: «Как вы относитесь к тому, что живете в многонациональном государстве?». А позиции социальных субъектов могли быть положительными и отрицательными.

Необходимо признать, что заказной характер исследований влечет за собой некоторые ограничения. Такие исследования осуществляются строго в соответствии с задачами государственных программ и заданными в них показателями и индикаторами. Но поскольку в ряде случаев определялся уровень доверия к власти, то это позволяет на основе динамики показателей спрогнозировать характер *возможной* организации и действий социальных субъектов.

За 2015–2018 гг. было проведено семь исследований мониторингового типа, в которых генеральной совокупностью выступили жители 15 городов Красноярского края и г. Новосибирска. В Красноярском крае исследование «Оценка эффективности мер государственной политики по противодействию экстремизму и оценка ситуации в сфере межнациональных отношений» осуществлялось на основе многомерной стратифицированной выборки. Аналогичным образом строилось исследование в г. Новосибирске, где оно называлось «Мониторинг состояния межнациональных отношений и социального самочувствия населения».

⁷ Заказы были получены на основе участия в конкурсах, объявляемых государственными институтами для оценки государственных программ, реализуемых в различных сферах.

На первом этапе рассчитывалась квотная выборка, для определения которой использовались следующие признаки: удельный вес жителей каждого района города, пол и возраст. На следующем этапе использовалась бесповторная вероятностная выборка на основе маршрутного метода по месту жительства респондентов. В качестве главного метода сбора эмпирических данных использовалось полужформализованное интервью. Обработка и расчет данных производились на основе программного пакета SPSS.

В Красноярском крае объем выборочной совокупности составлял 2000 респондентов, в Новосибирске – 1000. Смещение в выборочной совокупности составляло от $\pm 3\%$ до $\pm 3,5\%$, ошибки ввода – от $\pm 1\%$ до $\pm 2\%$.

СОЛИДАРНОСТЬ И КОНСОЛИДАЦИЯ ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ И НЕДОВЕРИЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Инструментарий, сконструированный в соответствии с описанной выше методикой, позволяет определять идентичность разного типа: гражданскую, региональную, социальную, религиозную, политическую и др.

Как и предполагалось, наиболее высокий уровень идентичности формируется по поводу первичных групп – групп повседневных практик (табл. 1). Близость с людьми своего поколения, возраста в Новосибирске в 2018 г. часто ощущали 42,9% опрошенных, с людьми той же профессии, того же рода занятий – 34,7%. В Красноярске – соответственно 61,6 и 52,6% (табл. 2).

Иной уровень идентичности отмечается в конструируемых группах. В Новосибирске близость со всеми гражданами России чувствовали часто только 25,4% респондентов, в Красноярске – 40,0%, близость с жителями области (края) – соответственно 29,8 и 42,2%, с теми, кто живет в том же городе, – 25,4 и 49,8%, с людьми того же достатка – 29,8 и 49,2%, с людьми той же национальности – 32,3 и 55,0%, с людьми, близкими по политическим взглядам, – 23,7 и 48,6%, с людьми той же веры – 23,7 и 52,0% (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Если говорить о вас, как часто вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком вы могли бы сказать: “Это – мы”?», Новосибирск, 2018 г., %*

Вариант ответа	Часто	Иногда	Практически никогда	Трудно сказать	Нет ответа
С людьми моего поколения, возраста	42,9	28,3	13,8	14,3	0,7
С людьми той же профессии, того же рода занятий	34,7	33,9	14,5	15,8	1,1
Со всеми гражданами России	25,4	32,4	20,3	20,6	1,3
С жителями области, где я живу	29,8	30,7	21,6	16,8	1,1
С теми, кто живет в том же городе, что и я	25,4	32,4	20,3	20,6	1,3
С людьми моей национальности	32,3	28,7	19,5	18,3	1,2
С людьми такого же достатка	29,8	26,1	21,0	21,7	1,4
С людьми, близкими мне по политическим взглядам	23,7	28,0	21,2	26,0	1,1
С людьми моей веры	23,7	24,3	21,3	29,7	1,0

* Здесь и далее данные рассчитаны в процентах от всей совокупности опрошенных.

Для сравнения нами были взяты только два города – Новосибирск и Красноярск, хотя в Красноярском крае исследование одновременно проходило еще в 14 городах: Норильске, Канске, Ачинске, Железногорске, Сосноборске, Дивногорске, Лесосибирске, Минусинске, Енисейске, Зеленогорске, Бородино, Боготоле, Шарыпово и Назарово. Но интересно сравнение именно Новосибирска и Красноярска, поскольку это города-миллионники с более или менее одинаковой демографической структурой населения, являющиеся центрами социально-экономического развития для двух значимых территорий России – Западной и Восточной Сибири. Различия этих двух столиц связаны, во-первых, с уровнем образования населения: в Новосибирске не-

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Если говорить о вас, как часто вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком вы могли бы сказать: “Это – мы”?», Красноярск, 2018 г., %

Вариант ответа	Часто	Иногда	Практически никогда	Трудно сказать	Нет ответа
С людьми моего поколения, возраста	61,6	30,8	5,0	1,4	1,2
С людьми той же профессии, того же рода занятий	52,6	39,2	5,6	1,0	1,6
Со всеми гражданами России	40,0	40,0	9,0	8,4	2,6
С жителями края, где я живу	42,2	40,8	8,2	5,6	3,2
С теми, кто живет в том же городе, что и я	49,8	37,4	5,2	5,6	2,0
С людьми моей национальности	55,0	32,6	5,8	4,6	2,0
С людьми такого же достатка	49,2	33,4	9,6	5,0	2,2
С людьми, близкими мне по политическим взглядам	48,6	35,8	5,8	7,4	2,4
С людьми моей веры	52,0	31,2	6,2	8,8	1,8

сколько выше удельный вес жителей, имеющих профессиональное образование. Во-вторых, существенно различается структура экономики: Новосибирск – это скорее научно-образовательная и торговая столица, Красноярск – промышленно-торговая.

Анализируя здесь типы идентичности, наряду с отмеченной выше общей тенденцией высокого уровня близости в рамках первичных групп можно увидеть существенные различия в характере идентичности во вторичных группах. Так, если в Новосибирске с людьми своей национальности часто испытывают близость 32,3% участников опроса, то в Красноярске – 55%; с теми, кто живет в том же городе, что и респондент, – 25,4 и 49,8% соответственно; с людьми такого же достатка – 29,8 и 49,2%; с людьми, близкими по политическим взглядам, – 23,7 и 48,6% и т.д. (см. табл. 1 и 2). Очевидно, для жителей

Таблица 3

Значения индексов позитивной солидаризации (Ис1) и неконструктивной солидаризации (Ис2), Новосибирск, 2018 г.

Вид индекса солидаризации	Ис1	Ис2
Индекс солидаризации с людьми своего поколения и возраста	0,43	0,14
Индекс солидаризации с людьми той же профессии, того же рода занятий	0,35	0,15
Индекс солидаризации со всеми гражданами России	0,25	0,20
Индекс солидаризации с жителями области	0,26	0,22
Индекс солидаризации с теми, кто живет в том же городе	0,30	0,22
Индекс солидаризации с людьми своей национальности	0,32	0,20
Индекс солидаризации с людьми такого же достатка	0,30	0,21
Индекс солидаризации с людьми, близкими по политическим взглядам	0,24	0,21
Индекс солидаризации с людьми той же веры	0,24	0,21

Красноярска по сравнению с жителями Новосибирска, характерен активный процесс идентификации во всех ее типах. А значит, будут различаться и процессы, связанные с формированием солидарности как позитивного, так и неконструктивного характера.

Рассмотрим развитие этого процесса в Новосибирске⁸.

Высокий уровень позитивной солидаризации жителей города мы видим только в рамках двух социальных позиций: с людьми своего поколения и возраста; с людьми той же профессии и того же рода занятий (табл. 3). Это свидетельствует о том, что в сообществе идут процессы социальной солидаризации. Возможно, это даже продолжение процессов, начавшихся еще в советское время и поддерживаемых такими формами, как советы ветеранов, советы научной (работающей) молодежи, профсоюзы, творческие объединения, клубы по инте-

⁸ Представленные далее результаты были использованы также при написании монографии «Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества» [6], в которой участвовала и автор настоящей статьи.

ресам и др. При этом социальная солидарность, несмотря на новый тип экономических отношений, еще не переросла в социально-классовую, поскольку солидаризация с людьми того же достатка позитивная лишь отчасти (0,30), но заметная часть сообщества практически никогда не солидаризируется по этому основанию (0,21).

Необходимо отметить низкий уровень солидарности в контексте всего российского общества. Индекс позитивной солидаризации со всеми гражданами России равен лишь 0,25, а с людьми своего поколения – 0,43, т.е. почти в 2 раза выше. А неконструктивная солидаризация приближается к позитивной: 0,20 и 0,25 соответственно. Аналогичным образом развиваются процессы солидаризации в контексте формирования регионального сообщества: индекс позитивной солидаризации почти равен индексу неконструктивной – 0,26 и 0,22 соответственно.

Иначе обстоит дело с формированием сообщества жителей города. Фактически часто бывают солидарными друг с другом почти 30% жителей Новосибирска. Если добавить тех, кто такую солидарность «испытывает иногда», то это уже 60% (см. табл. 1). Еще активнее идут процессы солидаризации по отношению к людям своей национальности. Индекс позитивной солидаризации (0,32) в этом случае более чем в 1,5 раза выше, чем индекс неконструктивной (0,20). И если предположить возникновение совокупности интересов, для достижения которых городскому сообществу Новосибирска необходимо будет солидаризоваться по национальному признаку, то это будет иметь успех.

Подтверждает такую возможность динамика оценок состояния межнациональных отношений. Оценивая в целом отношения между людьми разных национальностей, в 2018 г. 60,7% респондентов указали, что они носят положительный характер, а 18,2% – что отрицательный (рис. 2). При этом необходимо признать, что и динамика этих оценок имеет позитивный характер: в 2016 г. в той или иной степени положительно оценили межнациональные отношения в Новосибирске 41,9% респондентов, в 2017 г. – 33,8%, в 2018 г. – 60,7% (см. рис. 2).

Исследование 2018 г. позволило зафиксировать еще одну позитивную тенденцию в развитии Новосибирска. Анализ полученных данных показывает, что происходит перелом в отношениях между жителями

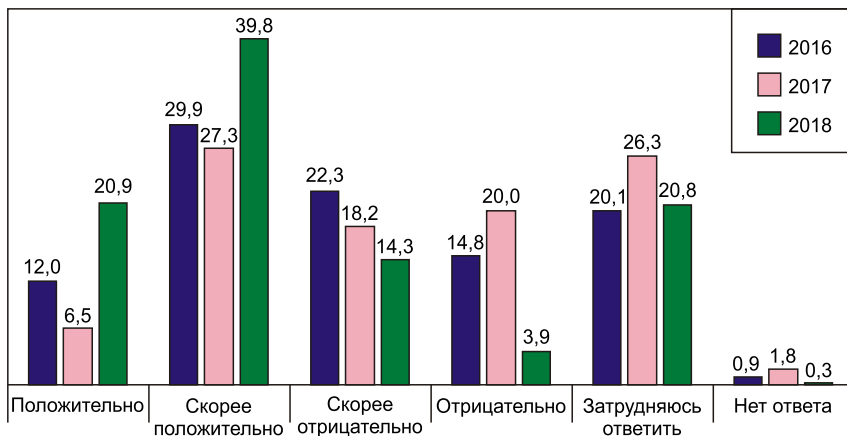

Рис. 2. Оценки состояния отношений между людьми разных национальностей в г. Новосибирске, 2016–2018 гг., %

города и мигрантами. Как известно, в последние годы как в России в целом, так и в Новосибирске миграция носит ярко выраженный этнический характер, поэтому оценки миграционных процессов являются крайне важными для понимания межнациональных отношений.

Жителями Новосибирска уровень миграции воспринимается как весьма значительный. Большинство участников опроса в 2018 г. (62,5%) отмечали, что мигрантов в городе «очень много» и «довольно много» (рис. 3). На то, что мигрантов «довольно мало», «очень мало или практически нет», указали только 15,7% опрошенных; еще 21,5% затруднились ответить. Но если две трети жителей Новосибирска сочли уровень миграции высоким, то настороженность и опасения по отношению к трудовым мигрантам испытывали только 44,1% респондентов. А доминирующей оценкой ситуации с мигрантами в 2018 г. была позиция «сталкиваясь в повседневной жизни с трудовыми мигрантами из других стран, я не испытываю опасений, настороженности», которую высказали 54,4% опрошенных (рис. 4).

Это позволяет сделать вывод, что во взаимоотношениях с мигрантами у жителей Новосибирска начал происходить перелом. В предыдущие годы большинство участников к приезду мигрантов в город относились преимущественно либо нейтрально, либо отрицательно (рис. 5).

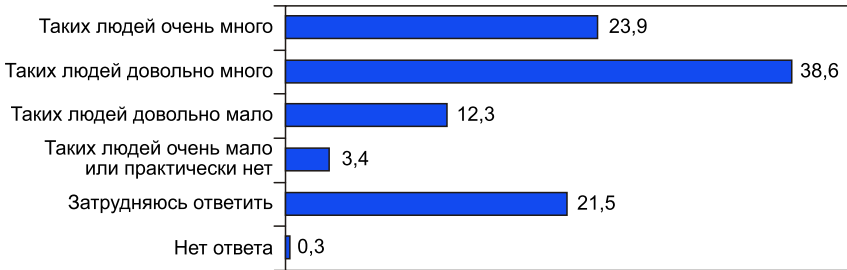

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как вы оцениваете уровень миграции людей в Новосибирск из ближних и дальних зарубежных стран», 2018 г., %

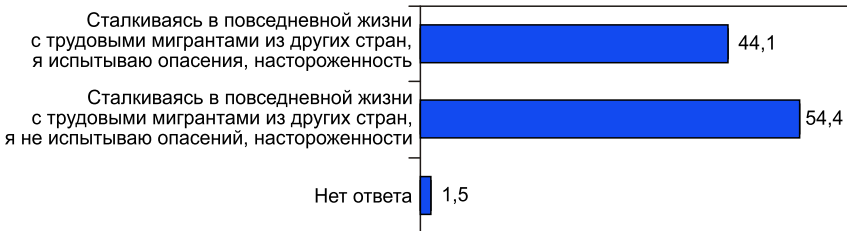

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «С каким из перечисленных суждений о мигрантах вы согласны в большей степени?», Новосибирск, 2018 г., %

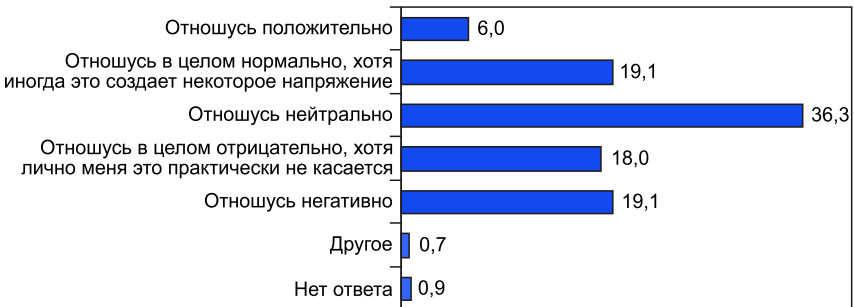

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Как лично вы относитесь к приезду мигрантов в Новосибирск?», 2017 г., %

Теперь остановимся на характере этих процессов и отношений в Красноярске. Как было показано выше, для этого города по сравнению с Новосибирском в целом характерен более высокий уровень всех типов идентичности: гражданской, национальной, социальной, политической и религиозной. Это обуславливает различия в процессах формирования солидарности. Фактически уровень позитивной солидаризации как в первичных, так и во вторичных группах здесь составляет от 0,6 до 0,4 (табл. 4), тогда как в Новосибирске – от 0,4 до 0,2 (см. табл. 3).

Еще более различаются уровни неконструктивной солидаризации. В Красноярске соответствующий индекс колеблется от 0,1 до 0,05, в Новосибирске – от 0,2 до 0,1. И максимальный уровень Новосибирска превосходит уровень Красноярска в 2 раза! Более того, в Красноярске во всех группах соотношение двух типов солидарности, как правило, составляет 10:1 либо 5:1. В Новосибирске в ряде групп это почти 1:1 (с людьми одной веры, с людьми, близкими по

Таблица 4

Значения индексов позитивной солидаризации (Ис1) и неконструктивной солидаризации (Ис2), Красноярск, 2018 г.

Вид индекса солидаризации	Ис1	Ис2
Индекс солидаризации с людьми своего поколения и возраста	0,60	0,05
Индекс солидаризации с людьми той же профессии, того же рода занятий	0,53	0,06
Индекс солидаризации со всеми гражданами России	0,40	0,09
Индекс солидаризации с жителями края	0,42	0,08
Индекс солидаризации с теми, кто живет в том же городе	0,50	0,05
Индекс солидаризации с людьми своей национальности	0,55	0,06
Индекс солидаризации с людьми такого же достатка	0,50	0,10
Индекс солидаризации с людьми, близкими по политическим взглядам	0,50	0,06
Индекс солидаризации с людьми той же веры	0,52	0,06

политическим взглядам, с жителями области и по другим видам солидаризации). Таким образом, можно утверждать, что в Красноярске формируется в качестве доминирующей позитивная солидарность как в группах повседневных практик, так и в конструируемых. Для Новосибирска характерна высокая позитивная солидарность только в группах повседневных практик. В конструируемых группах в равной степени формируется как позитивная солидарность, так и неконструктивная, которые охватывают заметную часть сообщества.

Можно предположить, что высокий уровень позитивной солидаризации в Красноярске обусловлен активной деятельностью в этом направлении всех социальных и политических институтов в связи с подготовкой к XXIX Всемирной зимней универсиаде (март 2019 г., а исследование проводило в марте 2018 г.). Проверить такое влияние в рамках проведенных исследований не представляется возможным. И поэтому следует признать, что жители Красноярска являются значительно более солидарным сообществом, чем жители Новосибирска.

Косвенное подтверждение наличия у жителей Красноярска в некотором роде *формируемой* солидарности можно увидеть в оценках, сделанных ими по поводу отношения к жизни в многонациональном государстве (рис. 6). При высокой позитивной солидарности с людьми

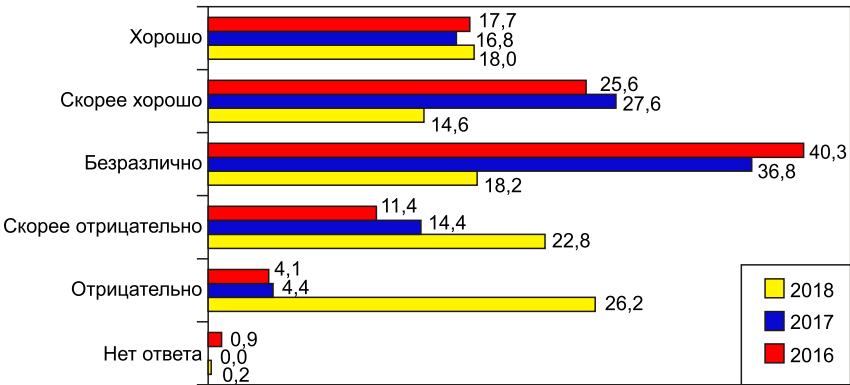

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Как вы относитесь к тому, что живете в многонациональном государстве?», Красноярск, 2016–2018 гг., %

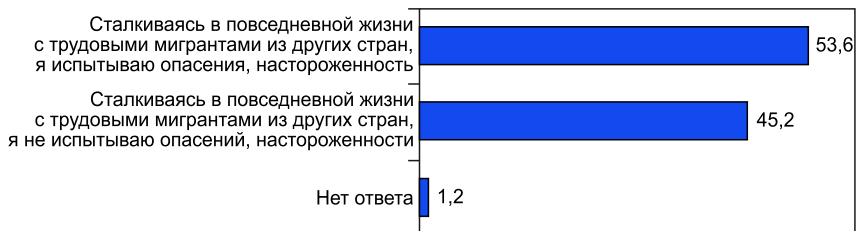

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «С каким из перечисленных суждений о мигрантах вы согласны в большей степени?», Красноярск, 2018 г., %

ми своей национальности (0,55) в 2018 г. красноярцы достаточно отрицательно (49%!) относятся к тому, что живут в многонациональном государстве. Фактически это означает, что консолидация местного сообщества по признаку «национальность» обусловлена каким-то другим фактором или процессом: сегодня и здесь мы всех любим, но это не связано с любовью в целом.

Еще одним подтверждением именно такого состояния является отношение красноярцев к мигрантам (рис. 7). Здесь мы видим соотношение количеств лояльных и нелояльных к мигрантам жителей, заметно отличающееся в отрицательную сторону от такового в Новосибирске. Там настороженность к мигрантам испытывали 44,1% опрошенных, тогда как в Красноярске – 53,6%. Однако и в том, и в другом сообществе можно констатировать наличие солидарных субъектов, хотя характер формирования солидарности в рамках той или иной группы может различаться и определяться разными факторами.

Теперь необходимо понять, ведет ли солидаризация таких субъектов к их консолидации. Возможности проведенных исследований позволяют осуществить подобный анализ также в сфере межнациональных отношений. Солидаризация («часто ощущают близость») как в рамках повседневных практик, так и в конструируемых группах является основой положительного отношения к многонациональному государству. Более того, несмотря на различия в уровне солидарности, примерно равное количество опрошенных (от 55 до 60%) в Новосибирске в 2018 г. указали, что они относятся к многонациональному государству «хорошо» и «скорее хорошо» (табл. 5). И это свиде-

Таблица 5

Характер конструктивной солидарности в сфере межнациональных отношений, Новосибирск, 2018 г., %

Если говорить о вас, как часто вы ощущаете близость с разными группами людей, с теми, о ком вы могли бы сказать: «Это – мы»?	Как вы относитесь к тому, что живете в многонациональном государстве?					
	Часто	Хорошо	Скорее хорошо	Безразлично	Скорее отрицательно	Отрицательно
С людьми своего поколения и возраста		24,2	31,9	26,6	8,6	7,5
С людьми той же профессии, того же рода занятий		26,8	31,7	25,4	6,9	8,6
Со всеми гражданами России		26,8	33,1	24,8	6,7	8,3
С жителями области		25,2	33,3	25,2	7,0	8,9
С теми, кто живет в том же городе		26,5	34,6	22,1	7,4	8,4
С людьми моей национальности		27,6	33,1	23,5	7,7	7,4
С людьми такого же достатка		24,2	34,6	24,8	7,4	9,1
С людьми, близкими по политическим взглядам		26,2	30,0	25,7	7,6	10,5
С людьми моей веры		28,7	27,8	21,9	7,2	13,9

тельствует об общности интересов различных социальных субъектов в данной сфере.

Позиции тех, кто находится в состоянии неконструктивной солидарности («практически никогда») заметно отличаются от представленных выше. В этом случае о том, что «хорошо» и «скорее хорошо» относятся к жизни в многонациональном государстве, заявили примерно от 30 до 40% участников опроса (табл. 6). Особенно это видно при сравнении отрицательных оценок. Среди тех, кто часто ощущает близость с людьми своей национальности, в 2018 г. в Новосибирске

Таблица 6

Характер неконструктивной солидарности в сфере межнациональных отношений, Новосибирск, 2018 г., %

Если говорить о вас, как часто вы ощущаете близость с разными группами людей, с теми, о ком вы могли бы сказать: «Это – мы»?	Как вы относитесь к тому, что живете в многонациональном государстве?				
	Практически никогда	Хорошо	Скорее хорошо	Безразлично	Скорее отрицательно
С людьми своего поколения и возраста	7,2	24,6	25,4	13,8	27,5
С людьми той же профессии, того же рода занятий	9,7	24,8	24,8	17,2	21,4
Со всеми гражданами России	14,3	27,1	21,7	13,8	21,7
С жителями области	10,1	27,2	25,3	14,3	21,2
С теми, кто живет в том же городе	10,2	25,0	31,0	15,3	17,1
С людьми моей национальности	9,7	27,7	31,3	8,7	21,0
С людьми такого же достатка	10,5	28,1	29,0	11,4	18,6
С людьми, близкими по политическим взглядам	10,8	27,8	29,7	13,7	14,6
С людьми моей веры	11,7	29,6	30,0	11,7	14,1

отрицательное отношение («скорее отрицательно» и «отрицательно») к многонациональному государству выразили 15,1% респондентов; «практически никогда» не ощущают такой близости 29,7%, т.е. в 2 раза больше.

Эти данные, очевидно, свидетельствуют о возможной консолидации в национальной сфере, поскольку в сообществе присутствуют солидарные субъекты. Важно понять, для достижения каких целей они могут консолидироваться. В этом контексте приобретает особое значение характер взаимоотношений сообщества и власти. Резуль-

таты исследования в Новосибирске позволяют представить уровень доверия к различным субъектам власти и социальным институтам в 2017–2018 гг. (табл. 7).

Динамика двух лет показывает существенный рост уровня доверия в 2018 г. практически ко всем социально-политическим институтам. Но поскольку он был низким в 2017 г., а также сохранялся высокий уровень недоверия, то положительный индекс в момент опроса в ноябре 2018 г. зафиксирован только в отношении Президента

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Насколько вы доверяете различным субъектам власти в настоящее время?», Новосибирск, 2017–2018 гг., %

Вариант ответа	Доверяю		Не доверяю		Индекс доверия	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Президенту РФ	55,3	46,2	25,8	35,6	+29,5	+10,6
Председателю Правительства РФ	25,3	30,9	39,2	42,8	-13,9	-11,9
Государственной думе РФ	17,8	28,6	44,0	42,1	-26,3	-13,5
Совету Федерации ФС РФ	19,0	28,9	38,6	39,7	-19,6	-10,8
Губернатору Новосибирской обл.	18,6	37,2	45,4	36,7	-26,8	+0,5
Мэру г. Новосибирска	22,1	39,6	44,7	35,4	-22,6	+4,2
Городскому совету депутатов г. Новосибирска	12,7	29,5	48,2	39,9	-35,5	-10,4
Судам	16,7	32,8	46,3	37,9	-29,6	-5,1
Прокуратуре	18,2	36,0	44,0	38,8	-25,8	-2,8
ФСБ	22,4	34,1	37,8	37,3	-15,3	-3,2
Церкви	35,8	29,0	28,9	44,6	+6,9	-15,6
Полиции	13,7	35,7	43,6	41,6	-29,9	-5,9
Политическим партиям	4,0	23,9	52,9	43,5	-48,9	-19,6
СМИ	7,0	22,6	60,0	53,3	-53,0	-30,7

РФ (+10,6), мэра Новосибирска (+4,2) и губернатора Новосибирской области (+0,5) (см. табл. 7). Уровень доверия к власти у солидарных групп целесообразно определить по отношению к Президенту РФ, имеющему самый высокий положительный индекс доверия, и политическим партиям, имеющим на момент исследования один из самых низких индексов (-19,6).

Закономерно, что в группах с позитивной солидаризацией основная часть субъектов (от 54 до 62%) доверяют Президенту РФ (табл. 8). Диаметральнo противоположные оценки дают группы с неконструктивной солидаризацией («практически никогда не ощущают близости»). Здесь от 44 до 58% участников опроса не доверяют главному субъекту власти в государстве.

Таблица 8

Уровень доверия солидарных групп к Президенту РФ, Новосибирск, 2018 г., %

Если говорить о вас, как часто вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком вы могли бы сказать: «Это – мы»?	Часто		Практически никогда	
	Доверяю	Не доверяю	Доверяю	Не доверяю
С людьми своего поколения и возраста	58,5	25,6	27,5	54,3
С людьми той же профессии, того же рода занятий	56,2	26,8	22,8	57,9
Со всеми гражданами России	62,2	22,0	29,1	51,7
С жителями области	58,1	24,0	33,6	48,8
С теми, кто живет в том же городе	58,1	24,2	33,8	52,3
С людьми моей национальности	58,8	22,9	33,3	53,3
С людьми такого же достатка	55,4	27,2	38,6	45,2
С людьми, близкими по политическим взглядам	54,4	29,1	39,2	44,8
С людьми моей веры	58,2	25,3	40,8	44,1

Интересно, что более всего доверие испытывают те, кто «часто ощущает близость со всеми гражданами страны» (62,2%). А менее всего доверяют гаранту Конституции те, кто «практически никогда не испытывает близости» с людьми своего поколения, возраста (27,5%) и той же профессии, того же рода занятий (22,8%) (см. табл. 8). Самый высокий уровень доверия демонстрировали в группах с неконструктивной солидаризацией те, кто не испытывает близости с людьми схожих политических взглядов (39,2%) и с людьми своей веры (40,8%). Но и в этих случаях уровень недоверия к Президенту РФ заметно выше, чем уровень доверия (см. табл. 8).

Таблица 9

**Уровень доверия солидарных групп к политическим партиям,
Новосибирск, 2018 г., %**

Если говорить о вас, как часто вы ощущаете близость с разными группами людей – с теми, о ком вы могли бы сказать: «Это – мы»?	Часто		Практически никогда	
	Доверяю	Не доверяю	Доверяю	Не доверяю
С людьми своего поколения и возраста	26,3	40,3	23,9	50,7
С людьми той же профессии, того же рода занятий	23,6	43,5	22,1	55,2
Со всеми гражданами России	27,2	41,3	26,1	51,7
С жителями области	25,6	43,0	28,6	48,4
С теми, кто живет в том же городе	24,2	41,6	26,4	49,1
С людьми моей национальности	21,4	40,2	28,7	46,7
С людьми такого же достатка	23,2	45,3	30,5	43,8
С людьми, близкими по политическим взглядам	22,4	47,3	29,2	46,7
С людьми моей веры	26,2	44,3	25,8	46,0

Принципиально отличаются от отношения к Президенту РФ позиции солидарных групп в оценках доверия к политическим партиям (табл. 9). Здесь удельные веса доверяющих и недоверяющих в группах с позитивной и в группах с неконструктивной солидаризацией очень близки. К примеру, среди часто ощущающих близость с людьми своей веры доверяют партиям 26,2% респондентов; среди тех, кто практически никогда не испытывает такой близости, – 25,8%. Не доверяют среди первых 44,3%, среди вторых 46,0%. При этом уровень недоверия в обоих видах групп существенно превосходит уровень доверия (см. табл. 9).

В целом, необходимо признать, что в конце 2018 г. Президент РФ обладал консолидирующим потенциалом для жителей Новосибирска, тогда как политические партии скорее формировали конфронтующее поведение как у групп повседневных практик, так и у конструируемых групп. И при этом субъекты с позитивной солидаризацией были носителями доверия к президенту. В отношении к политическим партиям оценки субъектов позитивной и неконструктивной солидаризации практически совпадали.

ТАК ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЛИ «МЮНХЕНСКИЕ ПИВНЫЕ»?

Анализ процессов солидаризации сообществ, играющих лидирующую роль в развитии не только крупнейших социально-экономических территорий, но и страны в целом, позволяет сформулировать следующий ответ на этот вопрос.

В Красноярске, где высокий уровень позитивной солидарности в группах повседневных практик и конструируемых группах имеет признаки формирующего воздействия со стороны внешних сил, будет возможным появление как активных элементов гражданского общества, так и активных деструктивных групп.

В Новосибирске, где уровень позитивной солидаризации в целом ниже, чем в Красноярске, и более всего такой процесс характерен для групп повседневных практик, скорее всего дальнейшее развитие по-

лучат элементы гражданского общества. Гарантией такого формирования этого регионального сообщества может служить фактически одинаковый уровень недоверия к политическим партиям у групп как позитивной, так и неконструктивной солидаризации. Здесь есть «прививка» от вовлечения в действия неконструктивного типа, хотя это не исключает возможности определенного воздействия «путчистов».

Список источников

1. Ахиезер А.С. Монологизация и диалогизация управления (опыт российской истории) // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 2. – С. 24–34.
2. Гудков Л.Б. Феномен негативной мобилизации // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 6. – С. 46–57.
3. Заостровцев А.П. Конституционная экономика, общественный договор и российское общество // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 1. – С. 125–132.
4. Кармадонов О.А. Солидарность, интеграция, конъюнкция // *Социологические исследования*. – 2015. – № 2. – С. 3–12.
5. Пантин В.И., Лапкин В.В. Политическое самоопределение российского общества // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 4. – С. 78–87.
6. *Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика* / Под ред. Ю.В. Попкова. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. – 347 с.
7. Тихонова Н.Е. Оптимальная модель социальной политики в массовых представлениях // *Социологические исследования*. – 2006. – № 12. – С. 9–14.
8. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // *Мир России*. – 1995. – № 3-4. – С. 157–181.
9. Oliner S.P. The need for altruism and social solidarity as an antidote to a divided world // *Newsletter of the Altruism, Morality & Social Solidarity Section of the American Sociological Association*. – 2010. – Vol. 2, Iss. 2. – P. 5–6.

Информация об авторе

Вавилина Надежда Дмитриевна (Новосибирск, Россия) – доктор социологических наук, профессор, ректор Нового сибирского института (630132, Новосибирск, ул. Объединения, 82/2, e-mail: nd.vavilina@gmail.com).

DOI: 10.15372/REG20190307

Region: Economics & Sociology, 2019, No. 3 (103), p. 164–194

N.D. Vavilina

SOLIDARIZATION AS A SOCIAL PHENOMENON AND A SOCIAL PROCESS: REGIONAL CONTEXT

The article demonstrates the feasibility of a methodology for studies of solidarization processes. It proves that the object of research should include the following four elements: identification, solidarization, consolidation, and integration. Each of these elements acts as a recordable phenomenon and a process, simultaneously. Being a process, each element develops independently and can serve as a foundation for another one; yet, it can remain in its initial state and not «outgrow» itself. We introduce new terms such as «positive solidarization» and «nonconstructive solidarization» and suggest the formula for related indicators.

Following the results of seven empirical studies, we verify the efficiency of the proposed methodology, which helps see the condition and progress of several regional communities. As empiric objects for the studies, we chose citizens of Novosibirsk and Krasnoyarsk, which manifested as an opportunity to compare solidarization processes in two equitable and often competing communities and draw inferences about the likely changes in the foreseeable future.

Keywords: identification; solidarization; consolidation; solidarization index; social subjects

For citation: *Vavilina, N.D. (2019). Solidarizatsiya kak sotsialnoe yavlenie i sotsialny protsess: regionalnyy kontekst [Solidarization as a social phenomenon and a social process: regional context]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3 (103), 164–194. DOI: 10.15372/REG20190307.*

References

1. *Akhiezer, A.S. (2004). Monologizatsiya i dialogizatsiya upravleniya (opyt rossiyskoy istorii) [Monologue and dialogue in the process of government: Russian history*

experience]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 2, 24–34.

2. *Gudkov, L.B.* (2005). Fenomen negativnoy mobilizatsii [Phenomenon of negative mobilization]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 6, 46–57.

3. *Zaostrovitsev, A.P.* (2008). Konstitutsionnaya ekonomika, obshchestvennyy dogovor i rossiyskoe obshchestvo [Constitutional economy, social contract and Russian reality]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 1, 125–132.

4. *Karmadonov, O.A.* (2015). Solidarnost, integratsiya, konyunktsiya [Solidarity, integration, conjunction]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2, 3–12.

5. *Pantin, V.I. & V.V. Lapkin.* (2006). Politicheskoe samoopredelenie rossiyskogo obshchestva [Political self-determination of the Russian society]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 4, 78–87.

6. *Popkov, Yu.V.* (Ed.). (2018). *Sotsiokulturnyy monitoring gorodskogo mezhetnicheskogo soobshchestva: metodologiya, metodika, praktika* [Sociocultural Monitoring of the Urban Inter-Ethnic Community: Methodology, Methods, Practice]. (2018). Novosibirsk, NSTU Publ., 347.

7. *Tikhonova, N.E.* (2006). Optimalnaya model sotsialnoy politiki v massovykh predstavleniyakh [Optimal model of social policy in mass views]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 12, 9–14.

8. *Yadov, V.A.* (1995). Sotsialnye i sotsialno-psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya sotsialnoy identichnosti lichnosti [Social and social-psychological mechanisms of formation of the social identification of the individual]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 3-4, 157–181.

9. *Oliner, S.P.* (2010). The need for altruism and social solidarity as an antidote to a divided world. *Newsletter of the Altruism, Morality & Social Solidarity Section of the American Sociological Association*, Vol. 2, Iss. 2, 5–6.

Information about the author

Vavilina, Nadezhda Dmitrievna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Rector of New Siberian Institute (82/2, Obyedineniya st., Novosibirsk, 630132, Russia, e-mail: nd.vavilina@gmail.com).

Поступила в редколлегию 27.05.2019.

После доработки 10.06.2019.

Принята к публикации 10.06.2019.

© Вавилина Н.Д., 2019